

THE LIBRARY OF CONGRESS

РАЗГУЛЬЕ

ПЕЧЕСКИХЪ СЫНКОВЪ

ВЪ МАРЬИНОЙ РОЩѢ.

РАЗГУЛЬЕ

КУПЕЧЕСКИХЪ СЫНКОВЪ

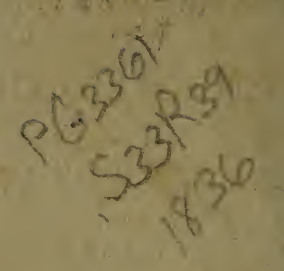
ВЪ МАРЬИНОЙ РОЩѢ.

или

ПОВАЛИВАЙ! НАШИ ГУЛЯЮТЪ!

ИСТИННО САТИРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ, 1835 ГОДА,
СЪ ЦЫГАНСКИМИ ПѢСНЯМИ.

МОСКВА.
Въ типографіи И. Смирнова.
1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатанiи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземляра. Москва, Iюля 3 дня, 1836 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снѣгиревъ.

А ЧТО ЖЕ ПРЕДИСЛОВІЕ?

А что же предисловіе? Что же нѣтъ предисловія, сказали бы Вы — idesv вы кто нибудь, взявъ книгу и отвернувъ первой листъ, если бы въ моемъ *разгульѣ* не было предисловія.

Но вотъ оно! я терпѣть не могу писать книгъ безъ предисловія, ergo вотъ оно!

Зрите, чтите и научитеся, а може рекохъ вамъ, братіе, въ нижеслѣдующихъ моихъ красно-зелено-желто-сине-разноглаголь-ствіяхъ и обрящете пользу душамъ вашимъ, якоже обрѣтохъ и азъ самъ видѣхъ сіе и оное

достопамятное произшествіе во Маріиной сирѣчь рощѣ, во благодатный день Семика — во день его краснаго рожденія. Amèn.

Баронъ Гам=тю=лонглу.

РАЗГУЛЬЕ

КУПЕЧЕСКИХЪ СЫНКОВЪ

ВЪ МАРЬИНОЙ РОЩѢ.

1.

Въ рощѣ Марьиной гулянье,
Въ тотъ день самый, какъ
Семикъ!

Русская пѣсня.

Семикъ! Семикъ! дорогой, золотой, яхонтовый, брильянтовый Семикъ! скажите, ради Барона Брамбеуса, кто не бывалъ въ Семикѣ, на Семикѣ, подъ Семикомъ?... О Семикъ! и Семикъ! ахъ Семикъ! охъ Семикъ! эхъ Семикъ!... браво Семикъ! Ура Семикъ! да зрав-

ствуетъ любезный Семикъ! сколько бѣшеныхъ головъ благословляютъ этотъ Семикъ! сколько закладовъ, продажи, потерь влечетъ за собой Семикъ! сколько здоровья довѣряютъ Семику! а что дѣлать? какъ не быть на Семикѣ! нѣтъ, должно, должно и встрѣтить и проводить добрый Семикъ, хотя бы это стоило годоваго жалованья, нѣсколькихъ сюртуковъ, часовъ, самой жизни!... Пойдемте въ рощу, въ гости къ Семику, З...... угощалъ всѣхъ отъ лица Семика за наличные! Пойдемте!....

Но что такое Семикъ? вотъ вопросъ еще нерѣшеный и весьма трудный: никакая безумная фантазія, никакое безпутное воображеніе не разрѣшитъ этого вопроса! предоставимъ рѣшить этотъ вопросъ кому нибудь, а сами маршъ въ рощу, и все таки въ рощу, и опять таки въ рощу!...

Была же какая нибудь дурацкая башка, изволившая выдумать этотъ глупой Семикъ! Пребольно бы высѣкъ я эту

вздорную голову!.... Не смотря на то, что многіе обожаютъ Семикъ и жертвуютъ для Семика всѣмъ....

Я, съ своей стороны ни за что и никогда не былъ бы въ Семикъ въ рощѣ, если бы обязанность наблюдателя не заставили меня совершить трудное и многотомное *во онцую рощу* путешествіе... И такъ, я былъ въ 1835 году въ рощѣ, въ Семикъ, который обыкновенно празднуетъ день своего рожденія вѣчно по четвергамъ; былъ, и многое, видѣлъ тамъ, замѣчалъ, и вотъ вамъ отрывокъ изъ моихъ наблюденій Высоко достоимени-то пре-разъ-воз-почтеннѣйшая публика: читайте!

Былъ Май. Вы знаете, каковъ былъ Май въ 1835 году. Былъ четвергъ. День разлюли. Утромъ бѣгали по небосклону облачка (нельзя же безъ препятствій) и кропилъ дождь, но предъ обѣдомъ декораціи неба перемѣнились, и солнце прикатило на сцену небесную. Длинныя широкія улицы Московскія, ведущія къ

Машиной рощѣ были набиты разнообразными физіономіями пѣшеходцевъ, множествомъ каретъ, колясокъ, дрожекъ спѣшившихъ оставить Москву; куда и за чѣмъ шли, ѣхали и скакали эти разряженные въ пухъ мущины и дамы? на кладбище? вздоръ! они ѣхали обмануть время, себя и другихъ. Они ѣхали, шли и скакали въ Машинькину рощу, поклониться Семику, поздравить его со днемъ рожденія и попраздновать на чистаганъ.

Марьина роща есть одно изъ тѣхъ Московскихъ гуляній, которыя чаруютъ первые взоры посѣтившаго ихъ, интересуютъ расположеніемъ и воспоминаніямъ и призываютъ невольно къ наслажденіямъ — не рѣдко эстетическимъ!... Должно замѣтить, что роща Маши весьма близка къ Москвѣ, слѣдовательно для бѣдныхъ можно не нанимая лошадей и не принимая убытковъ, пользоваться равнымъ съ богатыми удовольствіемъ.

Въ 5 часовъ роща вмѣщала въ себѣ болѣе половины Москвы. Вездѣ, ходило,

сидѣло, ѣло, пило и курило. Низшій слой Москвы бодрый, румяный, разгульный, толпился вокругъ шатра-колокола и подъ нимъ всѣ хотѣли пить, и всѣ пили. На раскраснѣвшихся носахъ ихъ и лицахъ ѣздили росинки пота, которыя изрѣдка были сгоняемы рукою или рукавомъ. Все кричало, желало, кипѣло, не понимало и мотало. По670 срединѣ рощи бойко неслись разношерстныя четверки людей и значащихъ кое-что и имѣющихъ кое-что; услышавъ шумъ у шатра-колокола, они съ презрѣніемъ зажимали уши и отворачивались отъ безпечныхъ гулякъ. Это былъ слой Москвы—уважительный.

Во многихъ мѣстахъ рощи крестьянки деревни Марьиной горланили пѣсни, обольщая, и нѣжа взоры молодыхъ крестьянъ своей пляской. Цыганки разбивались въ разные углы рощи, занимали своими дребезго-безпутными напѣвами своихъ дилетантовъ, а у З........ отца и сына, въ трактирахъ и посреди рощи

громко, шибко, безъ толку и гармоніи. Играла полковая и еще какая-то музыка, и пѣли, Александровскіе пѣсенники и все это дѣлалось въ честь голубчику Семику.

Ай-да Семикъ! исполать Семику!

2.

Смѣлые взгляды
Черныхъ очей,
Кольцы густыя
Темныхъ кудрей,
Страстные вздохи
Юныхъ грудей,
Свѣжій румянецъ
Смуглыхъ ланитъ,
Все къ наслажденью,
Къ нѣгѣ манитъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи дома Заикина въ Марьиной рощѣ есть что то болѣе, нежели свѣтелка; это можно назвать отдѣленіемъ понлымъ дома: тамъ увидите вы презрядные три комнаты съ мебелью *хоть бы те у богатаго купца*, и съ половин-

ными рамами. Въ этомъ то отдѣленіи трактира Заикина 17 Маія, въ день Семика, въ Четвергъ, сидѣли трое мущинъ, молодость бѣгала по ихъ лицу, безпечность и богатство рисовались въ ихъ взорахъ. Это были изъ числа такъ называемыхъ матушкиныхъ дѣтокъ. Ихъ звали Вася, Федя и Гриша. Слѣпленные, такъ сказать, не изъ земли, а изъ меда, облитые властями, начиненные сайками, набитые пряниками отъ самаго младенчества до 25 лѣтняго возраста, Вася, Федя и Гриша не думали заботиться о будущемъ: они поступали по пословицѣ: что въ руки имъ попало, то и пропало! Они не любили денегъ, какъ ихъ отцы; они презирали деньги, бросая ихъ на все и на вся.... Жалко что васъ, Федя и Гриша не знали пословицы: деньги черви, а безъ денегъ люди—черти! они право, ухватились бы за денежки, аки за вещь велемудрую, по выраженію достопочтеннѣйшаго нашего въ стихахъ писателя Александра батюшки Анфимовича;

а по фамильи свѣтъ Орлова. Но что дѣлать! Они не знали, какъ дороги деньги, и въ слѣдствіе онаго »не знали« мотали ими какъ пришлось.

Въ Семикъ, поддѣвши рубликовъ безъ малаго, около, слишкомъ у своихъ Tres cher bien папинекъ, они въ троемъ согласились угомонить ихъ въ Машинькиной рощѣ. Согласились и—баста!— Они въ рощѣ и съ деньгами, поютъ и гуляютъ въ свѣтлицѣ Monsieurs Занкина.

Вася, Федя и Гриша уже близки къ зинзиги, носы ихъ красны какъ лапа Лебедя; на лбахъ ихъ ползаетъ потъ, большіе Персидскіе платки сражаются съ потомъ и прогоняютъ его съ лицъ оберъ гулякъ.

Возлѣ купчиковъ сидитъ торбанистъ, гитаристъ и скрипачь, на коленахъ Васи Феди и Гриши рисуются, молодыя цыганочки: Маша, Дуня и Паша! о какъ хороши этѣ цыганочки! Вася, Федя и Гриша совершенно растаяли отъ ихъ пламенно жгучихъ, африканскихъ, не-

истовыхъ поцѣлуевъ! Вася, Федя и Гриша заливали свой жаръ золотомъ. О цыганки, цыганки! кто не знаетъ васъ ? кто не былъ въ вашихъ объятьяхъ? чьи карманы не заключали въ себѣ вашихъ рукъ! цыганки!... Охъ!

„Да что же вы не поете ? Анна Ивановна! качните ка какую нибудь ? сказалъ Вася , поднося бокалъ вина своей Машѣ: Пей, Машинька!

— *Я* не могу, сударь! отвѣчала молодая цыганочка.

— Вздоръ, душа моя, выпей! ну, для меня, по душѣ, валяй!

И Маша выпила покалъ вина: и не льзя было не выпить : вино было славное за звѣздочкой!

„Да какую же пѣсенку то прикажишь молодой бояринъ! сказала Анна Ивановна старая цыганка.

„Ну , хоть красный Сарафанъ! отвѣчалъ Вася!

— Ладно! ладно! Смотри же, на башмаки дѣвушкамъ!... будетъ? — замѣтила цыганка.

— Кончено! возгласилъ Вася и пламенно впился въ губы Маши.

Торбанистъ съ братіею заигралъ, и цыганки запѣли знакомую всѣмъ пѣсню:

Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ,
Не входи, родимушка, по пусту въ изъянъ.

***

Рано мою косыньку на двѣ заплетать,
Прикажи мнѣ русую въ ленту забирать.

***

Пускай не покрытая шелковой фатой,
Очи молодецкія веселитъ собой.

***

То ли житье дѣвичье, чтобъ его мѣнять,
Торопиться за мужемъ охать и вздыхать.

***

Золотая волюшка мнѣ милѣй всего,
Не хочу я съ волюшкой въ свѣтѣ ничего.

***

Дитя мое, дитятко, дочка моя,
Головка побѣдная, неразумная.

***

Не вѣкъ тебѣ пташечкой громко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой по цвѣтамъ порхать.

***

Поблекнутъ на щечинкахъ маковы цвѣты
Прискучутъ забавушки, стоскуешься ты.

***

А мы и при старости себя веселимъ,
Младость вспоминаючи на дѣтей глядимъ.

***

И я молодешинька была такова,
И мнѣ тѣ же въ дѣвицахъ нравились слова.

***

»Браво! браво! лихо!» Закричали Вася Федя и Гриша; еще что нибудь! Соловья, Тройку! ну, живо!
И цыганки запѣли:

Соловей мой, соловей,
Голосистой соловей.

***

Ты куда, куда летишь,
Гдѣ ночиньку просидишь.

***

Я лечу, лечу, лечу
Во угожія мѣста,

***

Во угожія мѣста,
Гдѣ ракитовы куста.

***

Еслибъ кустикъ мнѣ не милъ:
Соловей гнѣзда не вилъ.

***

Соловей гнѣзда не вилъ,
И дѣтей не выводилъ.

***

Соловей мой, соловей
Голосистой соловей.

***

Эта пѣсня была пѣта цыганками протяжно, наконецъ они запѣли громко и несkладно:

Вотъ мчится тройка удалая
Въ Москву дорогой столбовой,
И колокольчикъ — даръ Валдая—
Гудитъ качаясь подъ дугой....

Послѣдній куплетъ:

За чѣмъ о люди, люди злые, и пр.

Пропѣтъ былъ съ убійственными варіаціями со стороны Паши, рѣшившейся подтянуть, какъ говорится, своимъ товаркамъ.

»Ахъ, Пашинька, какъ милъ твой голосокъ! вскричалъ Федя: ради Бога спой что нибудь одна!

„Мнѣ стыдно, сударь, я плохо пою! отвѣчала Паша.

„О нѣтъ, твой голосъ подобенъ.... ты поешь какъ....

Конечно пьяный Федя не умѣлъ ни-чему уподобить голосъ Паши, и она убѣжденная его просьбою запѣла эту пѣсню:

Чернобровой, черноглазой,
Молодецъ удалый,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Не льзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Не льзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!
Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,

Чтобы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ скукѣ
Рѣтиваго сердца!
Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочикъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ..
Изсуши горючи слезы
На бѣлой ты груди;
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими.

Паша перестала пѣть, и Федя встрѣтилъ, взглянувъ на нее, тотъ взоръ, который говоритъ я твоя вѣчно!

Энергическій, удушливый поцѣлуй, говоря языкомъ романистовъ слилъ два сердца, и они забыли и о рощѣ и о всемъ....

»Катиньку! Катиньку! рубль серебромъ за Катиньку! вскричалъ Гриша, качаясь на стулѣ и запѣвая Катю, цыганки, конечно обольщенныя, цѣлковымъ, подтянули ему всѣмъ знакомую пѣсню:

Во всей деревнѣ Катинька
Красавицей была,
И въ самомъ дѣлѣ Катинька
Какъ розончикъ цвѣла.

***

Полна была румяна,
Какъ лилія бѣла,
Подъ флеромъ ручки нѣжныя
Скрывалися у ней.

***

Холостиньки молодчики
Влюблялись всѣ въ нее,
Прелестны русы волосы
По плѣчикамъ вились.

***

Стой! стой! полно! будетъ! домой! домой! закричалъ Федя взглянувъ на часы, допьемте вино, и маршъ!

И въ самомъ дѣлѣ пора, сказали Вася и Гриша, вырвавшись изъ объятій молодыхъ цыганокъ.

Вино было допито; цыганки получили четвертную ассигнацію за пѣсни, торбанистъ съ братіею также, пьяный Вань-

лъ разбуженъ, и наши фонъ гуляки
нсь потряской мостовой,

лъ 2 часъ утра,

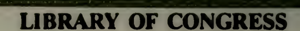
Семикъ, Семикъ, Семикъ!....

КОНЕЦЪ.

Цѣна 1 руб.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS

00023262009